

ПОСЛЕДНЯЯ ГАСТРОЛЬ

СТРАНИЧКА ИСТОРИИ

1925 год. По проспекту Руставели легкой походкой шел высокий, полный Собинов. На висках у него серебрилась седина, но взгляд все еще прекрасных глаз был полон жизни, и их блеск выдавал душевную молодость великого артиста.

Это был уже третий его приезд в Тбилиси, милый его сердцу город, славящийся музыкальностью своих жителей, их гостеприимством и темпераментом.

Леонид Витальевич вспомнил свой первый приезд в этот город в 1914 году, и глаза его улавливали те перемены, которые пришли на его улицы. По проспекту шли люди. Совсем иные. Это были рабочие и служащие, жизнерадостная учащаяся молодежь. Многие узнавали артиста — оглядывались, улыбались. Он привык уже к славе, и тем не менее знаки внимания ему были приятны. Он приезжал в Тбилиси в прошлом, 1924 году. Но, как всегда, торопился: надо было ехать в Баку...

И сейчас в архиве пещера хранится его письмо из Баку к сыну: «Сейчас в Тбилиси и Баку идет необыкновенная культурная работа по возрождению искусства, которая, несомненно, внесет много ценного в общую человеческую сокровищницу. В Тбилиси уже написано несколько очень талантливых опер на грузинские сюжеты и мелодии...».

Он шел по оживленному проспекту и вслушивался в грузинскую речь, улыбался щедрому солнцу и встречным. Он умел создавать в себе настроение легкости, приподнятости и начинал испытывать чувство творческого подъема.

Вечером шел «Евгений Онегин» П. И. Чайковского. В роли Ленского — Л. В. Собинов. Образ пушкинского героя Собинов пронес через всю свою творческую жизнь. Он впервые пел Ленского в 1898 году на сцене Большого театра в Москве. Он не знал, что в последний раз споет любимую партию в свой прощальный

спектакль, незадолго до неожиданной смерти в 1934 году на пути в родную Москву, возвращаясь после краткого отдыха за границей.

Действительно, партия Ленского была первой, имеющей принципиальное значение для всего русского музыкального искусства победой молодого артиста. И такой же победой заканчивалось каждое очередное исполнение этой роли. Казалось, годы не могли одолеть его. Все тот же знаменитый голос, звучавший на сценах Москвы и Петрограда, Милана и Парижа, Рима и Монте-Карло... Простые слова, максимальная жизненная правда разговорной речи, неизменно сохраняющей всю строгую музыкальность своей основы. Он сложным и долгим путем шел к тому гармоническому соединению вокального и сценического рисунков, которые сделали его Ленского классическим образом для всех других певцов. Были на русской оперной сцене многие знаменитые певцы, но никому из них до Собинова не удавалось дойти до такого тонкого проникновения в музыку Чайковского и текст Пушкина. Чем тоньше и глубже он знакомился с поэзией Пушкина, тем лучше воспринимал он лирику образа, его светлую грусть, своеобразную «акварельность» мелодических красок.

После окончания спектакля зал дрожал от аплодисментов. Растроганный теплой встречей, артист кланялся, и лицо его, озаренное улыбкой, было обращено к неистовым поклонникам.

Через день он пел партию Лоэнгрина в одной-единственной опере Вагнера, а затем исполнил партию Ромео в опере «Ромео и Джульетта» Гуно.

Все спектакли с участием Собинова шли с аншлагом. Театр ломился от желающих попасть в зал. Люди сидели и стояли в проходах, в ложах десятки людей, весь спектакль простаивали за креслами счастливых обладателей сидячих мест.

Журнал «Хеловнеба» (1925 г., № 17) поместил большую рецензию на выступление Собинова в опере «Ромео и Джульетта», в которой писал: «Нужно ли говорить, какой большой мастер пения исполнял Ромео и как тепло был встречен публикой этот чарующий артист...». В рецензии далее отмечалось, что в ролях Ленского и Лоэнгрина Собинов показал себя «как величайший художник и певец, на которого не действуют даже годы».

Это была последняя гастроль Л. В. Собинова в Тбилиси.

Б. ПИРАДОВ,
кандидат филологических наук.